

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

К68

Серия «Психологический триллер»

Jane Corry

MY HUSBAND'S WIFE

Original English language edition first published by Penguin Books Ltd., London.

The author has asserted her moral rights.

All rights reserved

Перевод с английского *О. А. Мышаковой*

Дизайн обложки *В. А. Воронина*

Печатается с разрешения Penguin Books Ltd.
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Корри, Джейн.

К68

Жена моего мужа : [роман] / Джейн Корри ; [перевод с английского О. А. Мышаковой]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 480 с. — (Психологический триллер).

ISBN 978-5-17-119970-8

Выйдя замуж за талантливого художника Эда Макдональда, молодой адвокат Лили начала новую жизнь... И, кажется, ничто не сможет омрачить их счастливый брак.

По соседству с супружеской парой живет хорошенькая девочка-итальянка Карла, за которой Лили присматривает, пока ее мать пропадает на работе. Карле всего девять, но она уже хорошо знает, что значит хранить чужие секреты...

А потом жизнь надолго разведет их — пройдет двенадцать лет, прежде чем Лили и Карла снова встретятся и поймут: им обоим есть что скрывать и, стоит раскрыться хотя бы одной из тайн их прошлого, последствия будут непредсказуемы...

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

© Jane Corry, 2016

© Перевод. О.А. Мышакова, 2017

© Издание на русском языке
AST Publishers, 2019

ISBN 978-5-17-119970-8

*Посвящаю эту книгу
моему замечательному второму мужу Шону.*

Ни одного мгновения печали!

*Ты не только умеешь меня развлечь,
но и оставляешь мне пространство для творчества.*

*Посвящаю книгу и своим прекрасным детям,
которые вдохновляют меня каждый день.*

Пролог

*Высверк металла. Оглушительный грохот в ушах.
— Сейчас пять часов, и в эфире выпуск новостей...*

Радиоприемник весело тараторит с соснового комода, заставленного фотографиями (отпуск, выпускной, свадьба). Рядом — красивое голубое с розовым блюдо и недопитая бутылка «Джека Дэниэлса» за поздравительной открыткой.

Голова болит невыносимо. Правое запястье тоже. Очень больно в груди — и очень много крови.

Я лежу, скорчившись, на полу — холод черной сланцевой плитки немного приглушает боль. Меня трясет.

На стене надо мной — картина с изображенным на ней оштукатуренным итальянским домиком, который очень украшают вьющиеся пурпурные бугенвиллеи. Память о медовом месяце.

Может ли брак закончиться убийством, даже если он уже мертв?

Эта картина будет последним, что я увижу, но сейчас мысленно я заново переживаю свою жизнь.

Значит, правду говорят об умирании: прошлое возвращается, чтобы уйти с тобой.

«Дейли телеграф», вторник, 20 октября 2015 г.

Художник Эд Макдональд найден зарезанным
в собственном доме. Полагают, что...

Часть первая
ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ НАЗАД

Глава 1
ЛИЛИ

Сентябрь 2000 года

— Нервничаешь? — спросил Эд, насыпая в тарелки наши любимые рисовые «Криспис».

Обычно я ем их с удовольствием — без молока, хрустящими (ребенком я любовалась маленькими эльфами на пачке, и чары до сих пор не развеялись). Но сегодня у меня что-то нет аппетита.

— Нервничаю? — с нажимом переспросила я, застегивая жемчужные сережки перед маленьким зеркалом над раковиной. Квартирка у нас тесная, приходится искать компромиссы.

Я едва не добавила: «Отчего бы это?» Из-за первого дня семейной жизни (в новое тысячелетие — в новом статусе)? Или потому, что надо было тщательнее выбирать квартиру, а не соглашаться на эту, в захудалом районе Клэпхема, где сосед напротив пьяница, а комнатки настолько тесные, что моя тональная основа «Риммель» (мягкий бежевый) и два тюбика губной помады (бледно-розовой и рубиново-красной) соседствуют с чайными ложками в ящике для столовых приборов?

Или оттого, что сегодня я возвращаюсь на работу после медового месяца в Италии? Неделя на Сицилии — бутылки марсалы, жаренные на гриле сардины и вдоволь сыра пекорино (отель оплатила бабушка Эда).

Или я нервничаю из-за всего сразу?

Вообще-то, я люблю свою работу. До недавнего времени я специализировалась на трудовом законодательстве: помогала незаконно уволенным, особенно женщинам, защищала жертв несправедливости. Это мое. Я собиралась стать социальным работником, как отец, но благодаря энтузиазму преподавателя профориентации в школе и, скажем так, ряду событий в собственной жизни оказалась в этой сфере. Новоиспеченный юрист двадцати пяти лет от роду на минимальном окладе, сражающийся с пуговицей на поясе темно-синей юбки. В нашем бюро ярко одеваются только секретарши. Нарядный адвокат — это неправильный посыл. Так мне объяснили, когда я только начинала работать. В юриспруденции можно сделать блестящую карьеру, но кое в чем она немислимо консервативна.

— Мы переводим вас на уголовные дела, — сообщил мне начальник (видимо, в качестве свадебного подарка). — Мы считаем, что вы справитесь.

И сейчас, в первый рабочий день после медового месяца, я собираюсь в тюрьму. У меня свидание с человеком, который отбывает срок за убийство. Я никогда не была в тюрьме — и никогда не хотела там побывать. Это чуждый мне мир. Тюрьма для тех, кто совершил противоправные деяния, а я сразу возвращаю даже лишнюю сдачу за «Космополитен».

Эд что-то выводит в альбоме, чуть склонив голову влево, делает наброски, положив альбом рядом с тарелкой хлопьев. Мой муж всегда рисует. Этим он меня и привлек.

— В рекламе, — сказал он, уныло пожав плечами, когда я спросила, где он работает. — В креативном отделе. Когда-нибудь я стану настоящим художником, а это так, халтурка, чтобы оплачивать счета.

Мне импонируют люди с четкой целью в жизни, но дело в том, что, когда Эд рисует, он забывает даже, на какой он планете. Вот и сейчас он забыл, что задал мне вопрос. Мне вдруг стало важно на него ответить.

— Нервничаю? Нисколько.

Эд кивнул, но я не уверена, что он меня слышал. Когда на него накатывает вдохновение, до остального ему дела нет. Даже до моего очевидного вранья.

Отчего бы, думала я, тронув мужа за левую руку с новеньким обручальным кольцом, не сказать ему правды? Отчего не поделиться с близким человеком, что мне дурно от страха и все время хочется в туалет, хотя я только что там была? Неужели лучше притворяться, что наша неделя вдаль от всего мира еще не закончилась, несмотря на сувениры вроде красивого голубого с розовым блюда, которое Эд сейчас подробно срисовывает?

Или это оттого, что я отчаянно храбрюсь перед сегодняшней встречей? По моей спине пробежал холодок, когда я брызнула на запястья купленными в дьюти-фри «Шанель № 5» (подарок Эда, на который он потратил один из своих дорожных чеков). В прошлом месяце адвокат из конкурирующей фирмы получил несколько ножевых ранений в грудь (были задеты оба легких) во время встречи с клиентом в Уондсуэрте. Всякое бывает.

— Давай быстрее, — сказала я. От волнения мой голос прозвучал резче обычного. — Мы так оба опоздаем.

Эд нехотя поднялся с расшатанного стула, оставшегося от прежних жильцов. Мой новоиспеченный супруг долговяз, тощ и ходит, точно извиняясь, будто на самом деле предпочел бы находиться в другом месте. В детстве волосы у него были золотистые, как у меня («Как только мы тебя увидели, сразу поняли: у нас родилась Лили», — любит

повторять мама), но с возрастом потемнели и стали рыжеватыми. А еще у него толстые пальцы, совсем не похожие на пальцы великого художника, которым он мечтает стать.

Каждому нужно мечтать. Девушкам с именем Лили полагается быть красивыми и стройными. Если смотреть сверху, то я вполне соответствую — благодаря светлым от природы волосам и, как великодушно говорила покойная бабушка, «элегантной лебединой шее». Но ниже вместо стройного «стебля» — детская пухлость. Что бы я ни делала, размер одежды у меня в лучшем случае остается шестнадцатым*. Я знаю, что на этом не надо заикливаться. Эд говорит, я такая, какая есть. Он не хотел сказать ничего плохого (надеюсь), но эта полнота меня бесит. Всегда бесила.

Направляясь к двери, я мельком взглянула на стопку поздравительных открыток возле проигрывателя Эда. Мистер и миссис Эд Макдональд. Я не воспринимаю эту фамилию как свою. Миссис Эд Макдональд. Лили Макдональд.

Я долго старалась научиться красиво расписываться, пропуская «и» через «М», но моя новая подпись все равно недостаточно изящна — имя не сочетается с фамилией. Надеюсь, это не дурной знак.

На каждую открытку предстоит написать письмо с благодарностью и отправить до конца недели. Если мама чему-то меня научила, так это вежливости.

Одна из открыток была подписана особенно вычурно, экстравагантными вытянутыми загогулинами, да еще бирюзовой пастой.

— Давина раньше была моей девушкой, — объяснил Эд, прежде чем она заявила на нашу помолвку. — Но теперь мы просто друзья.

Я вспомнила Давину с ее лошадиным смехом и искусно уложенными темно-рыжими локонами, делавшими ее похожей на модели пре-рафаэлитов. Давина, организатор мероприятий из «Ивентс», куда ходят все «приличные девушки». Давина, которая при знакомстве чуть прищурила свои фиалковые глаза, словно гадая, зачем Эд связался с этой толстой дылдой с взъерошенными волосами, которую я вижу в зеркале каждый день.

Могут ли мужчина и женщина остаться просто друзьями, если отношения закончились? Письмо своей предшественницы я решила оставить напоследок. Эд женился на мне, а не на ней, напомнила я себе.

Теплая рука мужа стиснула мою, будто он чувствовал: мне нужна поддержка.

— Все будет хорошо, вот увидишь.

Мне показалось, что он говорит о нашем браке, и лишь через секунду я поняла — речь о моем дебюте в уголовном праве. О Джо Томасе.

— Спасибо.

Я была благодарна Эду за то, что его не обманула моя бравада. Но при этом мне почему-то стало неуютно.

Мы вместе закрыли дверь и дважды подергали за ручку, потому что для нас все это было ново и непривычно, и быстро пошли по коридору к выходу. Открылась соседняя дверь, и в коридор вместе со своей мамой вышла маленькая девочка с блестящими темными волосами, собранными в длинный хвост. Я их уже видела, но на мое «здравствуйте» соседки не отвечали. Мать и дочь имели оливково-смуглую кожу и двигались плавно и грациозно, будто плыли.

Выйдя из подъезда в холодное осеннее утро, мы вчетвером направились в одну сто-